

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЖАНРОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Распространенные представления о том, что Русь заимствовала в X—XIII вв. жанры своей литературы из Византии и Болгарии, верны только в известной мере. Жанры действительно были заимствованы из Византии и Болгарии, но далеко не все: часть не перешла на Русь, другая часть создавалась здесь самостоятельно начиная с XI в. И объясняется это прежде всего тем, что Русь и Византия стояли на разных стадиях общественного развития. На Руси были свои общественные потребности в литературе. Значительно большая близость существовала, по видимому, между Русью и Болгарией, но и тут были крупные различия.

Так, например, Русь не заимствовала из Византии стихотворных жанров. Переводы стихотворных произведений делались прозой и переосмыслились в жанровом отношении. Хотя первые болгарские писатели и составляли, как это хорошо показано в трудах А. И. Соболевского, Р. О. Якобсона, Н. С. Трубецкого и Д. Костича, стихотворные произведения, но опыт их не вызвал подражаний и продолжения на Руси.

Не составлялись на Руси и придворные хроники, различные философские произведения. Иным было взаимоотношение литературы и фольклора. Так, например, в Византии уже в XII в. велось собиране греческих пословиц. В это время был составлен Федором Продромом сборник пословиц. Их снабдил своими комментариями Михаил Глика. В России же собрание пословиц началось только в XVII в.

Итак, византийская литература и русская были разностадиальны. Поэтому просто возводить жанровую систему Руси к византийской было бы неправильным. Известное стадиальное различие существовало и с болгарской литературой, опередившей русскую более чем на столетие.

Жанры средневековой русской литературы были тесно связаны с их употреблением в быту — светском и церковном. В этом их отличие от жанров новой литературы, образующихся и развивающихся не столько из потребностей обихода, сколько под влиянием внутренних законов литературы и литературных требований. Действительность в новое время воздействовала шире и глубже.

Богослужение требовало собственных жанров, предназначенных для определенных моментов церковной службы. Некоторые жанры имели назначение в сложном монастырском быту. Даже келейное чтение имело свою жанровую регламентацию. Отсюда несколько типов житий, несколько типов церковных песнопений, несколько типов книг, регламентирующих богослужение, церковный и монастырский быт, и т. д. В жанровую систему входили даже такие жанрово не повторяющиеся типы,

как служебные евангелия, несколько типов палей и паремийников, апостольские послания и пр.

Уже из этого беглого и крайне обобщенного перечисления церковных жанров ясно, что часть жанров могли развивать в своих недрах новые произведения (например, жития святых, которые должны были создаваться в связи с новыми канонизациями), а часть жанров были строго ограничены существующими произведениями, и создание новых произведений в них было невозможно.

Однако и те и другие не могли изменяться: формальные признаки жанров были строго регламентированы особенностями их употребления и внешними традиционными признаками (например, обязательные девять частей канонов и их обязательное отношение с прмосами).

Несколько менее стеснены внешними формальными и традиционными требованиями были «светские» жанры, перешедшие на Русь из Византии и Болгарии. Эти «светские» жанры (я беру слово «светские» в кавычки, так как по существу они были тоже церковными по содержанию, а «светскими» они были только по их назначению) не связывались с определенным употреблением в быту и поэтому были более свободными в своих внешних, формальных признаках. Я имею в виду такие познавательные жанры, как хроники, апокрифические рассказы (они очень различны по жанровым признакам) и большие исторические повествования типа «Александрии», «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, «Девгениева Деяния» и т. д.

Обслуживая регламентированный средневековый быт, жанровая система литературы, перенесенная на Русь из Византии и Болгарии, не удовлетворяла, однако, всех человеческих потребностей в художественном слове. Первым обратил внимание на это обстоятельство Р. М. Ягодич в своем интереснейшем докладе на IV Московском Международном съезде славистов в 1958 г.¹ В частности, Р. М. Ягодич указал на недостаточность развития лирики и лирических жанров.

На следующем международном съезде славистов, в 1963 г. в Софии, в своем докладе о жанровой системе Древней Руси я высказал предположение, что этот недостаток отчасти объясняется тем, что потребности в лирике и развлекательных жанрах удовлетворялись жанровой системой фольклора. Система книжных жанров и система устных жанров как бы дополняли друг друга.² При этом система устных жанров, не охватывая собой

¹ J a g o d i t s c h R. Zum Begriff der «Gattungen» in der altrussischen Literatur. — Wiener slavistisches Jahrbuch, 1957/58, Bd 6, S. 112—137.

² Л и х а ч е в Д. С. 1) Система литературных жанров древней Руси. — В кн.: Славянские литературы. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.). М., 1963, с. 47—70; 2) Поэтика древнерусской литературы. М.; Л., 1967, с. 40—65. См. об этом же: П а н ч е в к о А. М. Истоки русской поэзии. — В кн.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970, с. 10.

потребностей церкви, была, тем не менее, более или менее цельной, могла иметь самостоятельный и всеобщий характер, заключала лирические и эпические жанры.

Грамотные верхи феодального общества имели и книжные, и устные жанры. Неграмотные народные массы удовлетворяли свои потребности в художественном слове с помощью более универсальной, чем книжная, устной системы жанров, а в церковном обиходе имели в своем распоряжении и книжные жанры, но только в их устной трансформации. Книжность была доступна народным массам через богослужение, а во всем остальном они были исполнителями и слушателями фольклорных произведений.

Необходимо, однако, обратить внимание на следующее: жанровая система фольклора в средние века, по моему убеждению, была так же, как и литературная система жанров, тесно связана с обслуживанием быта. По существу весь средневековый фольклор был обрядовым. Обрядовыми были не только все лирические жанры (разные типы свадебных песен, связанных с определенными моментами церемоний, похоронных, праздничных и т. д.), но и эпические. Былины и исторические песни выросли из прославлений умерших или героев при определенных обрядах, оплакиваний поражений и других общественных бедствий. Сказки произносились в определенные бытовые моменты и могли иметь магические функции. Только в XVIII и XIX вв. часть эпических жанров освободились от обязательности их исполнения в определенной бытовой обстановке (былины, исторические песни, сказки). В средние же века весь быт был тесно связан с обрядом и обряд определял собой жанры — их употребление и их формальные особенности.

Литературно-фольклорная жанровая система русского средневековья была в отдельных своих частях более жесткой, в других — менее жесткой, но если ее брать в целом, она была традиционной, сильно формализованной, мало меняющейся. В значительной мере это зависело от того, что система эта была по-своему церемониальной, тесно связанной с обрядовым ее употреблением.

Чем более она была жесткой, тем настоятельнее она подвергалась изменению в связи с изменениями быта, обряда, требований применения. Она была негибкой, а следовательно, ломкой. Она была связана с бытом, а следовательно, должна была реагировать на его изменения. Связь с бытом была настолько тесной, что все перемены общественных потребностей и быта должны были отражаться в жанровой системе.

Первое, на что следует обратить внимание, — это появление решительного несоответствия между светскими потребностями феодализирующегося общества в XI—XIII вв. и той системой литературных и фольклорных жанров, которая должна была эти новые потребности удовлетворять.

Система фольклорных жанров, достаточно определенная, была приспособлена по преимуществу для отражения потребностей язы-

ческого родового общества. В ней не было еще жанров, в которых могли бы отражаться потребности христианской религии. В ней не было также жанров, которые отражали бы потребности феодализирующейся страны. Однако русским светским потребностям не могли, как мы уже отмечали вначале, полностью соответствовать и жанры церковной византийской литературы.

В чем же заключались эти потребности светского общественного быта Древней Руси XI—XIII вв.

В княжение Владимира I Святославича окончательно оформилось огромное раннефеодальное государство восточных славян. Это государство, несмотря на свои большие размеры, а может быть, отчасти и именно из-за этих размеров, не имело достаточно прочных внутренних связей. Экономические связи, и, в частности, торговые, были слабы. Еще слабее было военное положение страны, раздираемой усобицами князей, которые начались сразу же после смерти Владимира I Святославича и продолжались вплоть до татаро-монгольского завоевания. Система, с помощью которой киевские князья стремились удержать единство власти и оборонять Русь от непрерывных набегов кочевников, требовала высокой патриотической сознательности князей и народа. На Любечском съезде 1097 г. был провозглашен принцип: «Пусть каждый князь владеет землей своего отца». При этом князья обязались помогать друг другу в военных походах в защиту родной земли и слушаться старшего. В этих условиях главной сдерживающей силой, противостоящей возрастающей опасности феодального разобщения княжеств, явилась сила моральная, сила патриотизма, сила церковной проповеди верности. Князья постоянно целуют крест, обещая помогать и не изменять друг другу.

Раннефеодальные государства вообще были очень непрочными. Единство государства постоянно нарушалось раздорами феодалов, отражавшими центробежные силы общества. Единство государства при недостаточности связей экономических и военных не могло существовать без интенсивного развития личных патриотических качеств. Чтобы удержать единство, требовались высокая общественная мораль, чувство чести, верности, самоотверженность, патриотическое самосознание и высокое развитие искусства убеждения, словесного искусства — жанров политической публицистики, жанров, развивающих любовь к родной стране, жанров лиро-эпических. Помощь литературы была в этих условиях так же важна, как и помощь церкви. Нужны были произведения, которые ясно свидетельствовали бы об историческом и политическом единстве русского народа. Нужны были произведения, в которых решительно обличались бы раздоры князей.

Для пропаганды этих идей было недостаточно одной литературы. Создается культ святых братьев князей Бориса и Глеба, безропотно подчинившихся руке убийц, подосланных их братом Святополком Окаянным. Создается политическая концепция, согласно которой все князья-братья происходят от одного из трех братьев: Рюрика, Синеуса и Трувора.

Эти особенности политического быта Руси были отличны от того политического быта, который существовал в Византии и Болгарии. Идеи единства были отличны уже по одному тому, что они касались Русской земли, а не Болгарской или Византийской. Нужны были поэтому собственные произведения и собственные жанры этих произведений. Вот почему, несмотря на наличие двух взаимодополняющих систем жанров — литературных и фольклорных, русская литература XI—XIII вв. находилась в процессе жанрообразования. Разными путями, из различных корней постоянно возникают произведения, которые стоят особняком от традиционных систем жанров, разрушают их либо творчески объединяют.

В результате поисков новых жанров в русской литературе и, я думаю, в фольклоре появляется много произведений, которые трудно отнести к какому-нибудь одному прочно сложившемуся, традиционному жанру. Эти произведения стоят вне жанровых традиций.

Ломка традиционных форм вообще была довольно обычной на Руси. Дело в том, что новая, явившаяся на Русь культура, очень высокая, создавшая первоклассную интеллигенцию, легла тонким слоем на народную культуру — слоем хрупким и слабым. Это имело не только плохие последствия, но и хорошие: образование новых форм, появление вне традиционных произведений были этим сильно облегчены. Все более или менее выдающиеся произведения литературы, основанные на глубоких внутренних потребностях, вырываются за пределы традиционных форм.

В самом деле, такое выдающееся произведение, как «Повесть временных лет», не укладывается в воспринятые на Руси жанровые рамки. Это не хроника какого-либо из византийских типов. «Повесть об ослеплении Василька Тербовольского» — это тоже произведение вне традиционных жанров. Оно не имеет жанровых аналогий в византийской литературе — тем более в переводной части русской литературы. Ломают традиционные жанры произведения князя Владимира Мономаха: его «Поучение», его «Автобиография», его «Письмо к Олегу Святославичу». Вне традиционной жанровой системы находятся «Моление» Даниила Заточника, «Слово о погибели Русской земли», «Похвала Роману Галицкому» и многие другие замечательные произведения древней русской литературы XI—XIII вв.

Таким образом, для XI—XIII вв. характерно, что многие более или менее талантливые произведения выходят за традиционные жанровые рамки. Они отличаются младенческой мягкостью и неопределенностью форм. Новые жанры образуются по большей части на стыке фольклора и литературы. Такие произведения, как «Слово о погибели Русской земли» или «Моление» Даниила Заточника, — полулитературные-полуфольклорные. Возможно даже, что зарождение новых жанров происходило в устной форме, а потом уже закреплялось в литературе.

Типичным мне представляется образование нового жанра в «Молении» Даниила Заточника. В свое время я писал о том, что это произведение скоморошье.³ Скоморохи Древней Руси были близки к западноевропейским жонглерам и шпильманам. Близки были и их произведения. «Моление» Даниила Заточника было посвящено профессиональной скоморошьей теме. В нем «скоморох» Даниил выпрашивает «милость» у князя. Для этого он восхваляет сильную власть князя, его щедрость и одновременно стремится возбудить жалость к себе, расписывая свои несчастья и пытаясь рассмешить слушателей своим остроумием. Но «Моление» Даниила Заточника — это не просто запись скоморошьего произведения. В нем есть и элементы книжного жанра — сборника афоризмов. Сборники афоризмов были одним из излюбленных чтений в Древней Руси: «Слословец Геннадия», разного вида «Пчелы», частично — «азбуковники». Афористическая речь вторгалась в летопись, в «Слово о полку Игореве», в «Поучение» Владимира Мономаха. Цитаты из Священного писания (и чаще всего из Псалтири) тоже употреблялись как своего рода афоризмы. Любовь к афоризмам типична для средневековья. Она была тесно связана с интересом ко всякого рода эмблемам, символам, девизам, геральдическим знакам — к тому особому рода многозначительному лаконизму, которым были пронизаны эстетика и мировоззрение эпохи феодализма. В «Молении» подобраны афоризмы, близкие к скоморошьим шуткам. В них есть элементы той «смеховой культуры», которая была столь типична для народных масс средневековья.⁴ Автор «Моления» издевается над «злыми женами», иронически перефразирует Псалтирь, в шутовской форме подает советы князю и т. д. «Моление» искусно соединяет в себе жанровые признаки скоморошьего балагурства и книжных сборников афоризмов.

Другой тип произведения, серьезного, даже трагического, но вышедшего из той же среды княжеских певцов, представляет собой «Слово о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве» принадлежит к числу книжных отражений раннефеодального эпоса. Оно стоит в одном ряду с такими произведениями, как немецкая «Песнь о Нибелунгах», грузинский «Витязь в тигровой шкуре», армянский «Давид Сасунский» и т. д. Это все произведения одностадиальные. Они принадлежат единой стадии фольклорно-литературного развития. Но особенно много общего в жанровом отношении у «Слова о полку Игореве» с «Песнью о Роланде». Автор «Слова о полку Игореве» причисляет свое произведение к числу «трудных повестей», т. е. к повествованиям о военных деяниях (ср. «chansons de geste»). О близости «Слова о полку Игореве» и «Песни о Роланде» писали многие русские и советские ученые — Полевой, Погодин, Буслаев, Май-

³ Л и х а ч е в Д. С. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника (см. наст. изд., с. 185—200).

⁴ См.: Б а х т и н М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

ков, Каллаш, Дашкевич, Дынный и Робинсон.⁵ Прямая генетическая зависимость «Слова» от «Песни о Роланде» отсутствует. Есть только общность жанра, возникшего в сходных условиях раннефеодального общества. Но между «Словом о полку Игореве» и «Песнью о Роланде» есть и существенные отличия, и они не менее важны для истории раннефеодального эпоса Европы, чем сходства.

В свое время я уже не раз писал о том, что в «Слове» соединены два фольклорных жанра: «слава» и «плач» — прославление князей с оплакиванием печальных событий. В самом «Слове» и «плачи», и «славы» упоминаются неоднократно. И в других произведениях Древней Руси мы можем заметить то же соединение «слав» в честь князей и «плача» по погибшим. Так, например, близкое по ряду признаков к «Слову о полку Игореве» «Слово о погибели Русской земли» представляет собой соединение «плача» о гибнущей Русской земле со «славой» ее могущественному прошлому. Это соединение в «Слове о полку Игореве» жанра «плачей» с жанром «слав» не противоречит тому, что «Слово о полку Игореве» как «трудная повесть» близко по своему жанру к «chansons de geste». «Трудные повести», как и «chansons de geste», принадлежали к новому жанру, очевидно, соединившему при своем образовании два более древних жанра — «плачей» и «слав». «Трудные повести» оплакивали гибель героев, их поражение и прославляли их рыцарские доблести, их верность и их честь.

Как известно, «Песнь о Роланде» не есть простая запись устного фольклорного произведения. Это книжная обработка устного произведения. Во всяком случае такое соединение устного и книжного представляет текст «Песни о Роланде» в известном Оксфордском списке. То же самое мы можем сказать и о «Слове о полку Игореве». Это книжное произведение, возникшее на основе устного. В «Слове» органически слиты фольклорные элементы с книжными.

Характерно при этом следующее. Больше всего книжные элементы сказываются в начале «Слова». Как будто бы автор, начав писать, не мог еще освободиться от способов и приемов литературы. Он недостаточно еще оторвался от письменной традиции. Но по мере того как он писал, он все более и более увлекался устной формой. С середины он уже не пишет, а как бы записывает некое устное произведение. Последние части «Слова», особенно «плач Ярославны», почти лишены книжных элементов. Перед нами случай, когда фольклор вторгается в литературу и выхватывает произведение из системы литературных жанров, но все же не вводит его в систему жанров фольклора. В «Слове» есть близость к народным «славам» и «плачам», но по своему динамическому

⁵ См.: Л и х а ч е в Д. С. Жанр «Слова о полку Игореве». — В кн.: *La Poesia epica e la sua formazione*. Roma, 1970, с. 315—330; Р о б и н с о н А. Н. Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур: (типология, оригинальность, метод). — В кн.: *Славянские литературы*. VI Международный съезд славистов. М., 1968, с. 73—81.

решению оно приближается к сказке. Это произведение исключительное по своим художественным достоинствам, но его художественное единство достигается не тем, что оно следует, как это было обычным в средневековье, определенной жанровой традиции, а, напротив, нарушает эту традицию, отказывается от следования какой-либо устоявшейся системе жанров, которые определяются требованиями действительности и сильной творческой индивидуальностью автора.

Таким образом, тонкий слой традиционных жанров, перенесенных на Русь из Византии и Болгарии, все время ломался под влиянием острых и динамичных потребностей действительности. В поисках новых жанров древнерусские книжники в XI—XIII вв. часто обращались к фольклорным жанрам, но не переносили их механически в книжную литературу, а создавали новые из соединения книжных элементов и фольклорных.

В этой обстановке интенсивного жанрообразования некоторые произведения оказались единичны в жанровом отношении («Моление» Даниила Заточника, «Поучение» — автобиография и письмо к Олегу Святославичу Владимира Мономаха), другие произведения получили устойчивое продолжение («Начальная летопись» — в русском летописании, «Повесть об ослеплении Василька Теремовльского» — в последующих повестях о княжеских преступлениях), третьи — имели лишь отдельные попытки их продолжить в жанровом отношении («Слово о полку Игореве» и в XV в. «Задонщина»).

В наиболее тяжелый период татаро-монгольского ига — от середины XIII в. и до середины XIV в. — новые произведения создаются по преимуществу в жанрах исторической повести, отражающих коллективно-эмоциональное отношение народа к событиям татаро-монгольского нашествия. Летописное повествование «сжимается» до информации чисто делового назначения: преобладают записи об исторических событиях над рассказами о них. Исключение составляют по преимуществу рассказы о Батыевом нашествии, а в дальнейшем — о событиях борьбы с татарами.

Решительный перелом наступает в последней четверти XIV в. Веяния восточноевропейского Предвозрождения принесли с собой новое отношение к литературе. Индивидуализация религии (исихазм с его молчаливостью, развитие скитничества, уединенной молитвы и пр.) изменила отношение и к чтению. Широко развивается, наряду с обрядовым и «деловым», чтение индивидуальное. Появляется множество келейных книг, а затем и келейных библиотек.⁶ Создаются сборники для индивидуального чтения, отражающие индивидуальные интересы составителя. С этим связано появление большого числа новых переводов и новых списков богословских сочинений — сочинений, рассчитанных

⁶ См. подробнее: Дмитриева Р. П. Четыре сборники XV в. — как жанр. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 150—180.

на индивидуальное чтение, на индивидуальное размышление и индивидуальную эмоциональную настроенность. Переводная литература XIV—XV вв. принесла с собой волну новых жанров, широко раздвинувших границы жанровой системы Руси.

Национальный подъем последней четверти XIV в. вызвал появление многих исторических произведений. В связи с государственно-объединительными тенденциями жанр повестей о княжеских преступлениях не возобновляется, но появляется много военно-исторических повестей с публицистическими идеями (повести о битвах на Пьяне и на Воже, повесть о Едигее и пр.) или идеями национально-патриотического характера (цикл повестей о Куликовской битве). Эти исторические произведения имеют свои жанровые особенности, которых не было в исторических произведениях домонгольской Руси.

Развитие индивидуального чтения, о котором мы сказали уже выше, принесло с собой не только огромное расширение репертуара чтения, но и репертуара жанров. Индивидуальное чтение поддерживало интерес к новым произведениям, развивало познавательные жанры, развивало жанры, в которых главную роль начинали играть занимательность, сюжетность, воображаемые события.

Потребность в новых жанрах отчасти удовлетворялась в конце XV и в XVI вв. внесением в литературу жанров деловой письменности. Эти же деловые жанры «оправдывали» появление фантастических сюжетов, с которыми долго и упорно боролось средневековое литературное сознание, но которого настойчиво требовало индивидуальное чтение. Вступая в свои права, фантастика долго маскируется изображением бывшего, действительно существовавшего или существующего. Вот почему в XVI в. жанры различного рода «документов» как формы литературного произведения входят в литературу одновременно с вымыслом. Забегая несколько вперед, скажем, что в начале XVII в. появляются статейные списки посольств, которые никогда не существовали. Эти статейные списки долго считались в науке «подложными», на самом деле — это литературные произведения, в которых вымысел подается читателю как действительно бывшее в форме документа.⁷ В летопись входит элемент выдумки. В уста исторических лиц вкладываются измышленные речи. С одной стороны, в традиционные жанры (в летопись, в степенную книгу, в «истории» и «сказания») широко проникает документ (грамоты, ярлыки, послания, разряды), а с другой стороны, жанры деловых документов входят в литературу и получают здесь чисто литературные функции.

Сложные и разносторонние искания в области жанров могут быть прослежены и в публицистике. Устойчивость жанров нарушена и здесь. Темы публицистики — темы живой, конкретной

⁷ Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРЛ, М.; Л., 1955, т. 11, с. 218—254.

политической борьбы. Многие из них, прежде чем проникнуть в публицистику, служили содержанием деловой письменности. Вот почему формы деловой письменности становятся также и формами публицистики. Пересветов пишет челобитные. Художественные и публицистические элементы в значительной степени внесены в «Деяния» Стоглавого собора. Стоглав — факт литературы в той же мере, как и факт деловой письменности.

В литературных целях используется и дипломатическая переписка. Форма дипломатической переписки используется в литературных целях в выдуманной, литературной переписке первой четверти XVII в., якобы бывшей между турецким султаном и Иваном Грозным.⁸ Итак, дипломатические послания, постановления собора, челобитные, статейные списки, даже деяния собора становятся формами литературных произведений.

Новым жанровым явлением следует признать «Историю о великом князе московском» Андрея Курбского. Впервые в русской историографии появился труд, цель которого заключалась в том, чтобы вскрыть причины, происхождение того или иного явления в характере и поступках Ивана Грозного. В «Истории о великом князе московском» все изложение было подчинено этой единой цели.

Новым в жанровом отношении явлением следует признать и политическую легенду, получившую интенсивное развитие в XV и в XVI вв. К числу политических легенд надо отнести «Сказание о князьях владимирских». Это официальное произведение, темы которого были изображены на барельефах царского престола в Успенском соборе Московского Кремля. На этом «Сказании» основывались государственные акты и чин венчания на царство. Другие политические легенды — «Повесть о Вавилонском царстве» и «Повесть о новгородском белом клобуке». Эти произведения сходны между собой во многих отношениях. Они выдают исторический вымысел за действительность и поэтому стремятся быть документальными по форме. В них рассказываются давно прошедшие события, но ими оправдываются политические притязания сегодняшнего дня. В них типично соединение вымысла с исторически достоверными событиями.

Наконец, для XVI в. могут быть отмечены и некоторые своеобразные в жанровом отношении явления, связанные с образованием значительного слоя официальных произведений. Вмешательство государства в литературные дела создает официальный стиль «второго монументализма», который в жанровом отношении выражается в создании огромных компилятивных памятников, соединяющих в своем составе разнородные жанровые произведения. Это не было полной новинкой XVI в., так как и ранее в летописи и хронографе мы встречались с аналогичным явлением, вообще характерным для средневековья. Но в XVI в. в связи

⁸ К а г а н М. Д. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 247—272.

с образованием русского централизованного государства компилятивность развивается до возможных пределов официальной пышности. Создается свод всех книг на Руси, рекомендуемых для частного чтения, — многотомные «Великие четьи минеи» митрополита Макария, создается «Степенная книга царского родословия», многотомный «Лицевой летописный свод» и т. д.

XVII век — это век подготовки радикальных перемен в русской литературе и, прежде всего, в ее жанровой структуре, которая приблизительно со второй трети или с середины будущего столетия начинает совпадать с жанровой структурой западноевропейских литератур.

Изменения, которые подготавливаются в XVII в., обязаны главным образом решительному расширению социального опыта литературы, расширению социального круга читателей⁹ и авторов. Прежде чем отмереть, средневековая жанровая структура литературы крайне усложняется, количество жанров возрастает, их функции дифференцируются, и происходит консолидация и выделение литературных признаков как таковых.

Чрезвычайно расширяется количество жанров за счет введения в литературу форм деловой письменности, которым в это время все в большей степени придаются чисто литературные функции. Количество жанров увеличивается за счет фольклора, который начинает интенсивно проникать в письменность демократических слоев населения, и за счет переводной литературы. Новые виды литературы, появившиеся в XVII в. — силлабическое стихотворство и драматургия, — постепенно развивают свои жанры. Наконец, происходит трансформация старых средневековых жанров в результате усиления сюжетности, развлекательности, образительности и расширения тематического охвата литературы. Существенное значение в изменении жанровых признаков имеет усиление личностного начала, совершающееся в самых различных областях литературного творчества и идущее по самым различным линиям.

Деление литературы на официальную и неофициальную, появившееся в XVI в. в результате «обобщающих предприятий» государства, в XVII в. теряет свою остроту. Государство продолжает выступать инициатором некоторых официальных исторических сочинений, однако последние не имеют уже того значения, что раньше.

⁹ Изучению социального состава читателей сравнительно позднего времени посвящены работы: Буш В. В. Древнерусская литературная традиция в XVIII в.: (К вопросу о социальном расслоении читателя). — Учен. зап. Саратовского ун-та, 1925, т. 4, вып. 3, с. 1—11; Берков П. Н. К вопросу об изучении массовой литературы XVIII в. — Изв. АН СССР. Отделение общественных наук, 1936, № 3, с. 459—471; Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. М., 1962; Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960; Ромодановская Е. К. О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв. в связи с проблемой изучения областных литератур. — В кн.: Исследования по языку и фольклору. Новосибирск, 1965, вып. 1, с. 223—254.

Частично литературные произведения создаются при дворе Алексея Михайловича или в Посольском приказе, но они выражают точку зрения среды придворных и служащих, а не выполняют идейные задания правительства. Здесь, в этой среде, могли быть и частные точки зрения или, во всяком случае, известные варианты. . .

Таким образом, огромные официальные жанры — «левиафаны», типичные для середины XVI в. с его стилем «второго монументализма», в XVII в. отмирают. Зато в жанрах усиливается индивидуальное начало. Автобиографические элементы проникают в исторические сочинения, посвященные событиям Смуты, в жития, и во второй половине XVII в. появляется уже жанр автобиографии, вобравший в себя элементы житийного жанра и исторического повествования. Главный, но не единственный представитель этого жанра автобиографии — «Житие» протопопа Аввакума.

Типичный пример образования в XVII в. нового жанра — это появление жанра «видений» в период Смуты. Видения были известны и раньше как часть житий святых, сказаний об иконах или как часть летописного повествования. В эпоху Смуты жанр видений, исследованный Н. И. Прокофьевым,¹⁰ приобретает самостоятельный характер. Это остро политические произведения, рассчитанные на то, чтобы заставить читателей безотлагательно действовать, принять участие в событиях на той или иной стороне.

Характерно, что в видении соединяется устное начало и письменное. Видение возникает в устной молве и только после этого передается письму. «Тайнозрителями» видения могли быть простые посадские люди: сторожа, пономари, ремесленники и т. п. Но тот, кто передает это видение письму, автор, — еще продолжает принадлежать высшему церковному или служилому сословию. Однако и те, и другие уже не столько заинтересованы в том, чтобы прославить святого или святыню, сколько в том, чтобы подкрепить авторитетом чуда свою политическую точку зрения, свои обличения общественных пороков, свой политический призыв к действию. Перед нами один из характерных для XVII в. примеров начавшегося процесса секуляризации церковных жанров. Таковы «видения» протопопа Терентия, «Повесть о видении некоему мужу духовну», «Нижегородское видение», «Владимирское видение», «видение» поморского крестьянина Евфимия Федорова, и др.

Огромное значение для образования новой структуры литературных жанров имело разделение научной литературы и художественной. Если раньше «Шестоднев», «Топография» Козьмы Индикоплова или Диоптра, как и многие другие произведения естественнонаучного характера, имели равное отношение как

¹⁰ Прокофьев Н. И. «Видения» крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVIII века: (Из истории жанров литературы русского средневековья): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1949.

к науке, так и к художественной литературе, то теперь, в XVII в., такие переводные сочинения, как «Физика» Аристотеля, «Космография» Меркатора, зоологический труд Улисса Альдрованди, анатомический труд Везалия, «Селенография» и многие другие, стоят обособленно от художественной литературы и никак с нею не смешиваются. Правда, это различие еще отсутствует в «Уряднике Сокольничьего пути», в котором художественные элементы смешиваются с обрядовыми, но это объясняется спецификой самой сокольничьей охоты, интересовавшей русских людей XVII в. не только с утилитарной, но главным образом с эстетической точки зрения.

Нечетким остается различие научных задач и художественных в области истории, но это смешение литературы с наукой будет существовать в исторической литературе в течение всего XVIII в. и частично перейдет в XIX и даже XX вв. (ср. истории Карамзина, Соловьева, Ключевского).

Одной из причин начавшегося более строгого различия между научной и художественной литературой и соответственного «самоопределения» жанров была профессионализация авторов и профессионализация читателя. Профессиональный читатель (врач, аптекарь, военный, рудознатец и пр.) требует литературы по своей профессии, и эта литература становится настолько специфичной и сложной, что ее автором может стать только ученый или техник-специалист. Переводная литература на эти темы создается в специальных учреждениях для специальных целей переводчиками, знакомыми с сложным существом переводимого сочинения.

На Руси в XVII в. усваивается ряд переводных жанров: рыцарский роман, роман авантюрный (ср. повествования о Бове, Петре Златых Ключей, об Оттоне и Олуиде, о Василии Златовласом, Брунцвике, Мелюзине, Аполлонии Тирском, Валтасаре и т. п.), нравоучительная новелла, веселые анекдоты (в первоначальном смысле этого слова анекдот — это историческое происшествие) и др.

В XVII в. происходит новое, очень значительное социальное расширение литературы. Наряду с литературой господствующего класса появляется «литература посада», литература народная. Она и пишется демократическими авторами, и читается массовым демократическим читателем, и по содержанию своему отражает интересы демократической среды. Она близка фольклору, близка разговорному и деловому языку. Она часто антиправительственна и антицерковна, принадлежит «смеховой культуре» народа.¹¹ Частично она близка «народной книге» Западной Европы. Социальное расширение литературы дало новый толчок в сторону ее массовости. Демократические произведения пишутся деловой скорописью, неряшливым почерком, долго остаются и распространяются в тетраdochках, без переплета. Это вполне дешевые рукописи.

¹¹ См. об этой «смеховой культуре»: Б а х т и н М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса.

Все это не замедлило сказаться на жанрах произведений. Демократические произведения не связаны какими-либо устойчивыми традициями, особенно традициями «высокой» церковной литературы. Происходит новый прилив в литературу деловых жанров — жанров делопроизводственной письменности. Но, в отличие от использования в литературе деловых жанров в XVI в., новое использование их в XVII в. отличалось резко своеобразными чертами. До появления демократической литературы в жанры деловой письменности вкладывалось литературное содержание, которое не ломало самые жанры. В демократической же литературе деловые формы письменности употребляются иронически, их функции резко нарушены, им придано литературное значение. Деловые жанры употребляются пародически. Сама деловая форма является одним из выражений их сатирического содержания. Так, например, демократическая сатира берет реально существовавшую форму росписи о приданом и стремится именно с ее помощью выразить абсурдность содержания. . . То же отличает, например, церковную форму «Службы кабаку» или «Калязинской челобитной». В произведениях демократической пародии пародируется не автор, не авторский стиль, а форма и содержание, жанр и стиль делового документа.

Новое содержание не вкладывается в деловые жанры, как это было раньше, а взрывает эту форму, делает ее предметом осмеяния, как и ее привычное содержание. Жанр приобретает здесь не свойственное ему значение. По существу перед нами уже не деловые жанры, а новые жанры, созданные путем переосмысления старых и существующие только как факты этого переосмысления. Поэтому каждая из этих форм может быть использована один-два раза. В конечном счете употребление этих «перевернутых» и переосмысленных жанров ограничено. Жанр органически связан с существом замысла и поэтому не может быть повторен многократно.

Процесс использования жанров деловой письменности в демократической литературе имеет типичный для XVII в. разрушительный характер.

Демократическая литература во всем том новом, что она внесла в процесс жанрового развития русской литературы, не стоит обособленно. Многие в ней перекликается по своему значению с тем, что дает, например, для этого развития силлабическое стихотворство.

Силлабическое стихотворство тоже связано с процессом социального расширения литературы, но расширения совсем в другую сторону — в сторону создания литературной элиты: профессионального, образованного автора и читательской интеллигенции.

Единичные и короткие стихотворные тексты, известные еще в рукописях XV и XVI вв.,¹² сменяются в XVII в. регулярным стихотворством: силлабическим и народным.

¹² Ср., например, у монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросипа; см. о нем: С е д е л ь н и к о в А. Д. Литературная история Повести о Дра-

Силлабическое стихотворство принесло с собой множество стихотворных жанров, некоторые из которых явились сюда из прозы: послания (эпистолии), прошения, челобитные, «декламации», поздравления, предисловия, подпись к портрету, благодарения, напутствия, «плачи» и т. п. Силлабическое стихотворство в жанровом отношении было близко к риторике. Оно долго не обретало своей поэтической функции и своей собственной системы жанров. Стихотворная речь воспринималась как не совсем серьезная, как шутливая, церемониальная и церемонная. Риторика явно ощущается, например, в стихотворных «декламациях» Симеона Полоцкого, обращенных к царю Алексею Михайловичу. Стихотворная форма воспринималась как «иронический этикет» и служила смягчению грубости, невежливости, резкости. В стихотворной форме можно было отговорить адресата от женитьбы, попросить денег взаймы, похвалить и восхвалить адресата, не слишком роняя свое достоинство. Это личина, которой автор выказывает свою ученость, свое мастерское владение словом. Силлабическое стихотворство служило также педагогике, поскольку в педагогике XVII в. большую роль играло заучивание наизусть. В стихотворениях Симеона Полоцкого — те же темы и мотивы, что в прозаических «прикладах», включавшихся в такие переводные сборники, как «Римские деяния», «Великое зеркало», «Звезда пресветлая», но поданные читателю с оттенком эмоциональной отчужденности.

В силлабическом стихотворстве был элемент игры. Оно не должно было настраивать читателя эмоционально, а больше — удивлять его словесной ловкостью и игрой ума. Поэтому новые стихотворные жанры ассоциировались с теми традиционно прозаическими, которые требовали витийственности, — жанрами по преимуществу панегирическими (похвалами, эпистолиями и пр.). Даже распространенные в западной поэзии барокко акrostихи воспринимались на Руси как традиционная тайнопись и употреблялись главным образом, как и прежде, для сокрытия имени автора из монашеской скромности и смирения.

К силлабическому стихотворству близок по своим жанровым особенностям и раешный стих. Здесь также преобладает шутливость и некоторая, но в данном случае «сниженная» риторичность. В раешный стих также переносятся жанровые формы прозы: «П о с л а н и е дворительное недругу», «П о с л а н и е дворянина дворянину», «С к а з а н и е о попе Саве», «П о в е с т ь о Ерше», «П о в е с т ь о Фоме и Ереме» и пр. Характерно, что часть этого рода раешных произведений известна была сперва в прозе и только потом переложена в стихи.

Поэзия, лирика, требующая полного самовыражения автора, не сразу пришла в стихотворство. Впервые поэтическое содержание

куле. — ИпоРЯС, Л., 1928, т. 2, № 2, с. 624—659; Л у р ь е Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1961, т. 17, с. 130—168.

согласуется со стихотворной формой только в жанрах народного стиха. Именно от народного стиха с его лирическими жанрами ведет свое начало русская поэзия. Жанры проникшего в письменность народного стиха строже согласуются с поэтичностью задания. Таковы лирические песни Самарина-Квашнина¹³ или стихотворная поэма «Горе Злочастие», в которой жанровые особенности представляют собой не свойственное самой народной поэзии необычное соединение признаков лирической песни, духовного стиха и былины.

Изучение жанров с точки зрения их функций (функциональный подход) позволяет выявить основные линии в изменении жанровой системы Древней Руси.

Развитие жанровой системы русской литературы X—XVII вв. демонстрирует процесс постепенного освобождения жанров от их деловых и обрядовых функций и приобретения ими функций чисто литературных. Углубление литературных функций каждого из жанров увеличивает значение этих жанров в общественной жизни страны. Литературные произведения начинают оказывать разностороннее воздействие на действительность, вместо того, чтобы быть частью обряда, частью политики государства, княжества или церкви.

Освобождаясь от узкой предназначенности, литературные жанры приобретают широкое общественное значение.

Этот процесс изменения самого существа жанровой системы связан с двумя явлениями в развитии литературы как таковой: социальным расширением литературы и постепенной индивидуализацией чтения. При этом индивидуализация чтения тесно связана с социальным расширением литературы и, наоборот, — социальное расширение — с индивидуализацией чтения.

Социальное расширение литературы — это расширение социального контингента ее авторов и читателей, расширение социальной тематики и социальной (общественной) предназначенности жанров. Именно в этих условиях своего социального расширения литературные жанры не только теряют связь с обрядом и с узко деловыми функциями, но и приобретают индивидуального читателя, читающего «для себя» и «про себя». Читатель остается с литературным произведением один на один. От индивидуального читателя, а не от значения произведения в той или иной деловой и обрядовой стороне жизни начинает зависеть размножение списков произведения и их судьба. Вот почему в литературе возрастает стремление удовлетворить индивидуальные вкусы, быть разносторонне интересной, а таким образом она приобретает и большее общественное значение.

§ Развитие системы литературных жанров Древней Руси представляет собой также систему, но только динамическую, действующую и функционально связанную с развитием общественной жизни.

¹³ Ф и л и п п о в а Н. С. Песни И. А. Самарина-Квашнина. — ИОЛН, 1972, т. 31, вып. 1, с. 62—66.

Появление новой системы жанров — основной признак перехода русской литературы от средневекового типа к типу нового времени.

Чем в общих чертах различаются эти два типа? Средневековая литература выполняет свое общественное назначение непосредственно и прямо. Жанры средневековой литературы несут определенные практические функции в устоявшемся быте, в укладе церковном, юридическом. Жанры различаются главным образом по своей предназначенности для выполнения тех или иных жизненно необходимых, но более или менее узких функций. Они практически необходимы в разных сторонах общественной жизни. Художественность как бы дополняет и вооружает литературные жанры, способствуя осуществлению ими своих непосредственно жизненных задач. Литература нового времени выполняет свое общественное назначение прежде всего через свое художественное начало. Жанры литературы определяются не своей деловой предназначенностью, а своими чисто литературными свойствами и отличиями. Литература отвоевывает свое независимое место в культурной жизни общества. Она получает свободу от обряда, уклада, от деловых функций и тем самым становится способной выполнять свое общественное призвание не дробно, не в связи с тем или иным конкретным предназначением произведения, а тоже непосредственно, но непосредственно художественно и на более свободном от деловых функций уровне. Она поднялась высоко и стала царить в жизни общества, не только выражая уже сформировавшиеся за ее пределами взгляды и идеи, но и формируя их.

Весь историко-литературный процесс предшествующего времени есть процесс формирования литературы как литературы, но литературы, существующей не для себя, а для общества. Литература — необходимая составная часть общественной жизни и истории страны.